

СМЕНА

11
ноябрь

03

СМЕНА
17-73

229

Каскадера без страха не бывает

207

Заказ на устранение

104

Угрюмая рожа далекого прошлого

152

Высшая награда — Любовь и... Смерть!

26

Настоящий студент всегда... голоден

Тайна запертой квартыры

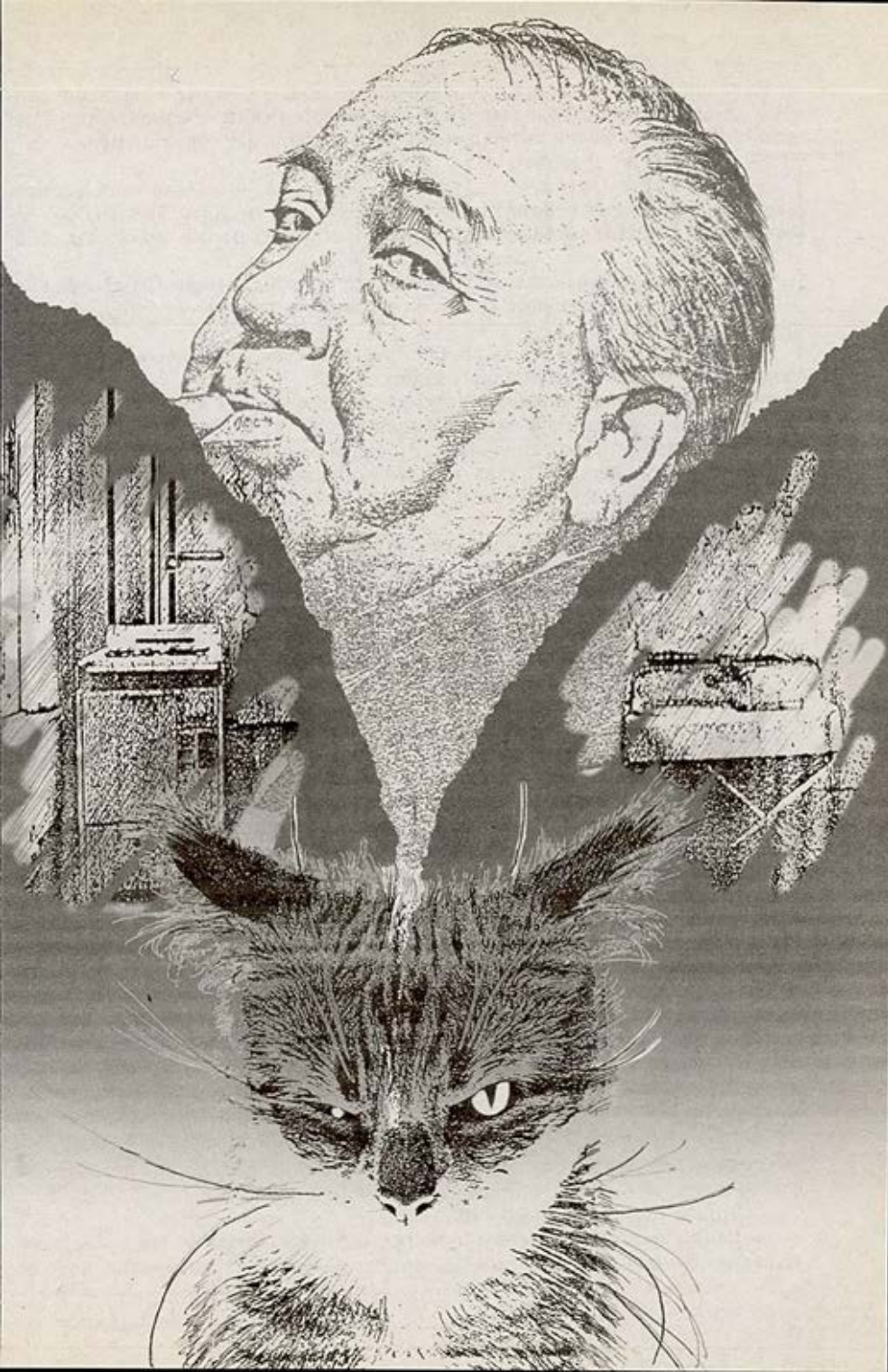
Андре БЬЕРКЕ

■ "Игротека" — так прозвали контору Клауса Вангли на Виктория-террасе его коллеги по криминальной полиции. Когда Монсен появился там в этот полуполуденный час, он еще раз удостоверился, что название соответствует действительности. Ибо в тот самый момент Вангли сидел за письменным столом, но при этом не обращал ни малейшего внимания на стопку документов, которая лежала здесь же: она была отодвинута далеко в сторону, к самому краю стола. Накопившиеся за неделю дела об ограблении почтамта, контрабанде гашиша и взломанном сейфе уступили место... головоломке.

— Всегда одно и то же! — проворчал Монсен и демонстративно уселся на самый неудобный стул в комнате. — Общество бурлит от преступности, а полицейский служащий играет в игрушки. Слушай, тебе все-таки исполнилось 52 года.

— На месяц раньше, чем тебе, понял? Но ты прав в том, что на самом деле я на 40 лет младше тебя. — Вангли не поднимал глаз от прямоугольного кусочка картона с двумя продольными разрезами и круглым отверстием. Под полос-

иллюстрация Виталия Федорова

ку была продета веревка, ее концы выходили через отверстие и были привязаны к двум большим пуговицам. Он сгибал и вертел картон, манипулируя с веревкой. — Совсем не плохо придумано. Такая небольшая головоломка.

— А что это за головоломка?

— Так называемая puzzle. Ты, конечно, знаешь ее: несколько частей соединено так, что кажется невозможным отделить их друг от друга. Здесь нужно веревку с пуговицами высвободить из-под полоски. Попробуй, может, ты справишься с этим.

В планы Монсена не входило "справляться" с такими вещами в рабочее время. Он бросил раздраженный взгляд на головоломку и рывком с усердием сторожевой собаки:

— Ну, знаешь ли! У нас есть проблемы и поважнее. Собственно, я и пришел сюда, чтобы обсудить с тобой одну из них.

— А! Новое дело? — Вангли щелкнул пальцами. — Да, конечно, я слышал, что ты вчера выезжал по вызову в район Майорстуге. Что-то с пожилой дамой, которая умерла от отравления газом. Это криминальная загадка?

Монсен откашлялся и сделал небольшую паузу.

— То, что загадка, — это точно. Я только не совсем уверен, что криминальная.

Разгадчик головоломок снова принялся за свою картонку: он сидел и размахивал ею. Пуговицы раскачивались, как маятники, каждая — по своей траектории: казалось, что веревка извивается, как живая, стремясь вырваться на свободу.

— Если у тебя есть, что рассказать, немедленно принимайся за дело, и половчее! — Маятники качнулись к конторскому креслу.

Массивной туше Монсена было очень неуютно на жестком сиденье. Действующий полицейский должен понимать недостатки своего телосложения — особенно в присутствии легкого и динамичного коллеги. Он их и осознал отчетливо — и сразу же пересел.

— Ну... Речь идет, как ты и говоришь, о пожилой даме фрёкен Габель, которая много лет прожила одна в квартире на улице Шёнинга, в одном из тех старых домов, где для кухни и ванной все еще используются газовые нагреватели. Вчера около пяти часов вечера соседка со второго этажа почувствовала сильный запах газа и сообщила смотрителю здания, который живет во дворе. Когда же, наконец, в квартиру вошли, то оказалось, что она вся наполнена газом. Кран на кухне был открыт: утечка газа произошла, по-видимому, довольно давно. Фрёкен Габель лежала на диване в соседней комнате: дверь на кухню была широко раскрыта, так что газ имел к ней свободный доступ. Немедленно вызвали врача, но было уже поздно: она умерла от угарного газа.

Последовала многозначительная пауза. Вангли подался вперед, всем своим видом показывая, что ему интересно.

— Ну, что же, это весьма распространенный способ расстаться с жизнью, особенно "популярный" раньше, пока в моду не вошли таблетки. В чем заключается "загадка"?

— Дело требует выяснения, — продолжал Монсен. — Все указывает на то, что фрёкен Габель погибла по собственной вине. Старая дама или покончила с собой, или по рассеянности открыла газ и забыла выключить.

— Что же тогда нужно выяснять?

— Дело в том, что никто другой не мог войти в квартиру и, тем более, выйти из нее. Все окна наглухо закрыты. Входная дверь и дверь черного хода — не

только надежно заперты, но еще и укреплены предохранительными цепочками. Пожилые дамы ведь панически боятся взломщиков. Как ты знаешь, такую цепочку никак нельзя ни открыть, ни закрыть снаружи. И это также подтверждает, что утечка газа произошла по вине хозяйки...

— Допустим, подтверждает. Но тогда каким образом ты и криминальный отдел появились на сцене?

— У Фрёкен Габель в течение многих лет была прислуга, которая делала покупки и убирала квартиру. Эту Фру Мёллер я допрашивал вчера вечером. Она считает, что самоубийство полностью исключается. Конечно, Фрёкен Габель жила очень одиноко: она мало контактировала с людьми и почти совсем не выходила из квартиры после того, как несколько лет назад сломала бедро. Но она по-прежнему оставалась очень жизнерадостной. И хотя уже приблизилась к 80, была бодрой, в здравом уме и аккуратной — особенно с газовым краном.

Вангли кивнул.

— Фру Мёллер, видимо, что-то подозревает. Тот, кто устал от жизни, не оправдывает себя от взломщиков. И тот, кто так заботливо печется о своем доме, осторожно обращается и с газом. Кстати, а как прислуга узнала о смерти хозяйки?

— Она появилась там почти одновременно с врачом, в разгар всей этой суматохи с проветриванием. Фрёкен Габель попросила ее придти в половине шестого вечера. И это также опровергает гипотезу о самоубийстве, не правда ли? Люди не назначают встреч на тот день, когда собираются покончить с жизнью. Фру Мёллер рассказала многое такое, что меня заинтересовало. Корооче говоря, я поехал туда и провел расследование в соответствии с инструкцией. Допросил смотрителя и женщину со второго этажа, тщательно обследовал квартиру...

— И какие выводы?

Монсен развел руками.

— Самоубийство, вероятно, исключается. Несчастный случай почти также неправдоподобен. Остается еще одна версия. Фрёкен Габель была богата, а когда есть старая дама с состоянием, имеется и мотив для убийства. Но если это убийство, то каким образом это сочетается с двумя задвинутыми цепочками?

— Вариант "тайны замкнутого пространства". — Вангли взмахнул куском картона, и пуговицы забренчали. — Ты упрекаешь меня в том, что я разгадываю головоломки в рабочее время. Неужели ты не понимаешь, что я углубляю знания по своей специальности? — Он подтолкнул вперед узкую веревку, и стало видно отверстие, образованное разрезами. — Эта веревочная петля находится в замкнутом пространстве. Как бечевке вырваться из него? Как выбраться убийце из полностью запертой квартиры? Решив первую загадку, мы наверняка справимся и со второй.

— Посмотрим, что у тебя получится на деле. — Монсен рывком вскочил с мягкого кресла и оттолкнул его, как будто оно угрожало его служебной энергии. — Пора за работу, господин детектив-хоббист. Мы сейчас же поедem на место происшествия. Пошли!

Двое полицейских стояли на кухне в квартире Фру Хольст на втором этаже, как раз она и оповестила вчера смотрителя здания. Фру Хольст была женщиной трудолюбивой и приземленной, с прочными бытовыми навыками: во время разговора она продолжала чистить свое столовое серебро. Визит полиции ни капли ее не смутил, наоборот, она оживленно рассказывала о происшедшем событии. Видно, не так уж часто в этом доме происходило что-то необычное.

— Вот уж никогда не думала, что стану свидетелем настоящей трагедии! — выпалила она. Хотя ее лицо казалось расстроенным, голос был звонкий. — И так это неожиданно случилось — кто бы мог ожидать? — Она поставила один серебряный кубок на кухонную подставку у окна и принялась за другой. — Да, итак, я здесь стояла вчера и мыла посуду после обеда. Посуды было полно: накануне мы принимали гостей. Я принялась за дело в половине пятого...

— Вы посмотрели на часы? — спросил Монсен.

— Нет, но я посмотрела на кота. — Фру Хольст улыбнулась с загадочным видом. — Я выглянула в окно и увидела, как кот фрёкен Габель выбегает с черного хода во двор. Тогда я сказала себе: сейчас ровно половина пятого. Мы могли сверять часы по этому животному.

— Ах, вот как! У фрёкен Габель был кот? — с интересом спросил Вангли.

— Ну да, великолепный белый ангорский кот. Хорошо, что он был у нее, ведь она так одинока, бедняжка. — Женщина опустила тряпку и задумчиво поглядела на свое отражение в сверкающем серебре. — Тяжело, наверное, быть такой старой. Надеюсь, что я сама...

Монсен перебил ее:

— Значит, она имела обыкновение выпускать кота в это время?

— Да, точно в половине пятого, чтобы он мог подышать воздухом, пока она отдыхала после обеда.

— И тогда она открывала и свою собственную дверь, выходящую во двор, не правда ли?

— Да, но она приоткрывала только щелочку, чтобы кот мог затем вернуться самостоятельно. Он обычно гулял по двору полчаса. Затем возвращался и прыгал в ее постель. Она всегда спала после обеда в маленькой комнате рядом с кухней. Ложилась отдыхать точно в половине пятого. Привычка, знаете ли...

— Минуточку, — перебил ее Вангли. — Итак, это означает, что каждый день во второй половине дня черный ход был некоторое время открыт?

— Я же сказала — приоткрыт, — поправила женщина и со знанием дела стала полировать половник. — Конечно, приоткрывая, она никогда не снимала цепочку. Никто не мог войти в квартиру, кроме кота... Она была так боязлива, бедняжка. Когда кто-то звонил в дверь, фрёкен Габель всегда только приоткрывала ее, не снимая цепочки. И лишь услышав мой голос, отваживалась выйти на порог...

— Пожалуйста, ближе к делу, — сказал Монсен, которому не нравилась излишняя женская словоохотливость во время полицейского допроса. — Итак, вы начали мыть посуду в половине пятого. А вы смотрели во двор в течение следующих тридцати минут?

— Конечно, ведь вчера стояла прекрасная погода. Птицы заливались трелями на штативах для сушки белья, а кот так забавно играл с пучками травы.

— Вы видели кого-нибудь во дворе?

— Ни единого человека. Только птицы и кот.

— Никто не выходил из этой двери и никто не входил в нее?

— Нет, это я могу сказать точно. У меня отличное зрение. — Фру Хольст гордо выпрямилась. — Мне уже пятьдесят, а я еще ни разу не одевала очки.

— А что произошло потом?

Женщина отложила тряпку и задумчиво поправила фартук.

— Как я уже сказала, посуды было очень много, и чтобы ее всю перемыть потребовалось целых полчаса. И тут я увидела, как кот взбежал на крыльцо и проскользнул внутрь. Ровно пять часов, сказала я себе. Кот хочет молока, и

фрёкен Габель сейчас проснется. Потом она поковыляет на кухню и включит газ, чтобы сварить себе кофе. Вы только подумайте, я представила себе, как она открывает газ... — На лице фру Хольст появилось потрясенное выражение.

— Ну и?... — Монсен предпочел бы меньше деталей.

— Но вскоре кот появился вновь. Он вел себя необычно: мяукал, скулил и как-то странно смотрел на окна первого этажа. Вдруг меня кольнуло предчувствие, что внизу случилась какая-то беда. Я быстро спустилась по лестнице и сразу поняла, отчего мяукал кот: он не мог попасть в квартиру: дверь черного хода была закрыта. И пока я там стояла, я почувствовала запах газа, поэтому и звала смотрителя здания.

Монсен выглянул в окно.

— О! Сейчас он как раз во дворе. Думаю, нам обязательно нужно поговорить и с ним. Благодарим, фру Хольст, не будем вас больше беспокоить.

Она открыла перед ними дверь, но Вангли остановился на пороге.

— Фрёкен Габель общалась еще с кем-нибудь в этом доме?

— Нет, ни с кем. Она наверняка никого не знала, хотя и жила здесь много лет. Только со мной иногда... Почему вы, собственно, спрашиваете об этом? — У фру Хольст появилась напряженная складка на переносице. — И почему этим занимается полиция? Каждому ясно, что произошел несчастный случай. Пожилые дамы так рассеянны, им нельзя иметь газовую плиту. То ли дело электрическая!..

— Она наблюдательна, — заметил Вангли, когда они спускались по лестнице. — Но даже у бдительной домохозяйки у кухонного окна взгляд не всегда бывает внимательным.

— Ты думаешь, кто-то вошел в дом через черный ход? Эту возможность мы и обсудим со смотрителем.

Довольно большой двор обрамлялся стенами дома и высоким забором, который отгораживал его от других дворов. Дом был угловой и имел три входа; квартира фрёкен Габель находилась у первого, большие ворота — в другом конце, на той же стороне, что и третий вход. Вангли констатировал, что они хорошо просматриваются из окна кухни фру Хольст, и если бы кто-то проходил к ним двором, или, наоборот, выходил из них, фру Хольст наверняка заметила бы этого человека.

Смотритель, занимавшийся починкой штатива для сушки белья, отложил инструменты, когда они приблизились. Это был человек в годах и с утомленным видом. В отличие от фру Хольст, он не обрадовался появлению полицейских. Узнав Монсена, смотритель угрюмо кивнул ему.

— Я могу быть чем-то вам полезен?

— Да, Гардму, я хотел бы, чтобы вы объяснили моему коллеге, как люди попадают во двор. Может ли кто-то пройти сюда с улицы?

— Нет. — Гардму покачал головой. — Когда-то этим путем приходили продавщицы газет и другие рассыльные. Но сейчас ворота всегда на запоре, а ключ только у меня и уборщиков мусора.

— Вчера здесь убирали мусор?

— Нет.

— И вы не впускали кого-нибудь из посторонних?

— Нет. А зачем? — Гардму настороженно прищурился. — Все гости пользуются подъездами.

— Сюда ходят только жильцы?

— Ну да. Чтобы выбросить мусор или повесить белье для сушки.

— Или чтобы выгуливать своих котов, — вставил Вангли.

Монсен подмигнул ему.

— Теперь понятно, почему фрёкен Габель спокойно выпускала кота и в это время спала. Он не мог выбежать на улицу. В этом деле перед нами не только "загадка замкнутого пространства", но и "загадка замкнутого дворового пространства".

— Никто из посторонних не может пробраться сюда, — подтвердил Гардму. — Я покажу вам входные ворота. Собственно, здесь двое ворот.

Они последовали за ним к первым, которые он открыл толчком, вошли в коридор, в противоположном конце которого и находились основные ворота, снабженные американским замком.

— Здесь было бомбоубежище во время войны, — пояснил смотритель.

Вангли указал на дверь в стене, обращенную внутрь здания.

— Куда она ведет?

— В подвал.

— А можно отсюда попасть на черный ход первого подъезда?

— Да, можно. Но ключ от этой двери только у меня.

— Все же давайте осмотрим этот проход, — попросил Вангли.

Гардму достал связку ключей и отпер дверь. Она распахнулась, и смотритель повел их вниз. Это был обычный подвальный проход со складскими помещениями по обеим сторонам. Через пару минут они уже стояли на лестнице первого подъезда.

— Ну, что же, исключать возможности тоже полезно, — заметил Монсен. — Во всяком случае, этим путем никто не проникал вчера к кухонной двери фрёкен Габель. Если только не вы сделали это, Гардму.

— Сделал что? — Смотритель явно не понимал шуток.

— Нет, нет... — Монсен отрицательно махнул рукой. — Я только имел в виду, что подвал — это ложный след. Никто не приходил с улицы и не проникал в дом через него. Все же остается еще одна возможность... Что вы скажете о людях, которые живут здесь?

— Прекрасные, порядочные люди — все без исключения... Простите, что-нибудь еще? Я могу вернуться к своей работе?

— Минуточку, — остановил его Вангли. — Когда фру Хольст вызвала вас вчера, каким образом вы вошли в квартиру покойной?

— В свое время фрёкен Габель передала мне на хранение копию своего ключа. На тот случай, если дверь захлопнется, когда она выйдет получать утреннюю почту. Но цепочка-то была накинута. Мне пришлось перепиливать ее. Целое облако газа... Я старался не дышать, пока открывал окна.

— Фру Хольст была при этом с вами?

— Нет, она ждала на лестнице.

— Итак, именно вы нашли фрёкен Габель на диване?

— Да... и сразу же позвонил врачу — наверху у фру Хольст. К сожалению, уже слишком поздно. — Гардму взялся за ручку двери. — Что-нибудь еще?

— Нет, спасибо, вы можете идти. А мы приступим к осмотру места происшествия, Монсен.

В кухне фрёкен Габель все было не так, как на втором этаже; стены и пол окрашены в свежие зеленые тона, газовая плита стояла совсем рядом с дверью маленькой боковой комнаты, где фрёкен обычно отдыхала после обеда. Старомодная круглая металлическая плита; резиновый шланг подведен к крану на

стене, кран закрыт — повернут вбок. Монсен выдвинул его вперед от стены, аппарат сразу же загудел, и они почувствовали характерный запах. Он быстро закрыл кран.

— Не может быть, чтобы она не почувствовала запах газа, если бы по рассеянности отошла от плиты.

— Как насчет отпечатков пальцев? — спросил Вангли.

— Вчера я выезжал сюда вместе с нашими экспертами. Они взяли у трупа отпечатки пальцев. И они же были найдены на этом кране.

Вангли осмотрел дверь кухни. Он приоткрыл ее после того, как накинул предохранительную цепочку. Образовавшаяся щель оказалась вполне достаточной для того, чтобы в нее проскочил кот. Вангли повернулся и прикинул расстояние от двери до крана на противоположной стене.

Монсен улыбнулся.

— Понимаю, о чем ты думаешь, не волнуйся, мне тоже это приходило в голову. Убийца мог стоять в коридоре и протянуть руку через дверную щель, не правда ли? Но чтобы дотянуться до крана, ему нужно иметь руку длиной в три метра, как видишь.

Вангли снова захлопнул дверь. У дверного косяка висел ключ, к которому был привязан кусочек картона. На нем рукой старой дамы было написано: "Подвал". Вангли снял его и сунул в карман.

— Для чего он тебе? — спросил Монсен.

— Не обращай внимания. Где ее комната?

Когда Вангли входил в дом, он обычно интересовался, какие книги стоят на полках. В этой комнате была простая, но забитая книгами книжная полка; особенно много книг о животных и цветах. То, что старая дама была любительницей цветов, он понял и по запаху в комнате, благоухающей розами. На подоконнике стояли два горшка, и в каждом цвел великолепный розовый куст.

— Там на секретере есть кое-что интересное, — сказал Монсен.

Вангли открыл изящную шкатулку из красного дерева, в которой оказались швейные принадлежности.

— Нет, я имею в виду не шкатулку... Письмодержатель.

Вангли поднял со стола сложенный лист бумаги и развернул его. Это было письмо, отпечатанное на машинке, из известной юридической фирмы. Типичное деловое письмо, написанное адвокатом, который явно вел финансовые дела старой дамы; он советовал ей вложить больше средств в акции одной надежной компании. Монсен обратил особое внимание на последнее предложение:

"Как мы и договаривались, я навещу вас во вторник 5-го, чтобы помочь составить завещание".

— Вторник, 5-е: это как раз вчера. — Вангли снова вложил лист бумаги в письмодержатель. — Завещание, которое не было составлено по причине смерти, всегда интересно. Очевидно, о прямых наследниках речь не идет. Но как насчет других родственников?

— Племянник. — Монсен многозначительно кивнул. — Его зовут Берг-Люкке, инженер. Мужчина нашего возраста.

— Опасный возраст, Монсен. Как я понимаю, ты уже разговаривал с ним. Твое впечатление?

— Сколько-то тип, совершенно не поддается определению. По-видимому, с деньгами у него туго. Как я выяснил, он постоянно задерживает выплату взносов и процентов на ссуды и тому подобное. — Монсен вынул визитную карточ-

ку из нагрудного кармана. — Здесь адрес. Наведайся к нему и попробуй что-нибудь из него вытянуть.

Вангли окинул взглядом комнату. Здесь не доставало чего-то очень важного.

— Кто взял к себе кота фрёкен Габель?

— Фру Мёллер, прислуга.

— Дай мне и ее адрес. Ведь кот — фактически единственный свидетель.

Монсен написал адрес на обратной стороне визитной карточки.

— Ты собираешься допросить кота?

— Почему бы и нет? Кошки тоже всегда были моим хобби, я умею разговаривать с ними. Кот мог бы, например, рассказать мне о дверной щели и о том, как... — Тут он даже присвистнул. — Вот она, разгадка!

— Разгадка чего?

— Головоломки. Прости, может быть, я кажусь немного рассеянным. Я ведь все время об этом думал. — Он снова достал картонку, которую захватил из своей конторы. — Ну, конечно, разгадка. Обе разгадки... Ну-ка, Монсен, теперь твоя очередь. Решишь ее и тогда, возможно, поймешь, что произошло в этом доме.

— Что ты имеешь в виду? — Монсен непонимающе уставился на кусок картона с побрякивающими пуговицами. — Эй! Да ты, кажется, прихватил кое-что из обстановки. Что ты взял?

Это был некий предмет из шкатулки на секретере.

— Ну, одну вещицу, с которой очень любит играть кот...

Фру Мёллер была полной, цветущей женщиной за сорок. Ее маленькая жилая комната носила тот отпечаток педантичности, который тесно связан с умением окружать себя уютом. Она отвечала на вопросы Вангли охотно и со знанием дела.

— Нет, фрёкен Габель почти никогда не навещали. И все же она не чувствовала одиночества.

— Вы говорите, почти никогда. Значит, все-таки к ней иногда приходили?

— Да, время от времени приходил племянник. Берг-Люкке, инженер.

— Какое он на вас производил впечатление?

Она пожала плечами.

— Точно не могу сказать. Вежливый и любезный, но, по-видимому, только внешне. Казалось, он хотел втереться в доверие к своей богатой тете. В последний раз, когда посетил ее — это было около месяца назад, — он попытался занять денег и получил отказ. Она сама мне рассказывала.

— И после этого никто к ней не приходил?

Фру Мёллер чуть помедлила с ответом.

— Мне кажется, вчера здесь кто-то побывал после того, как я ушла около трех.

— Почему вам так кажется?

— Потому что дверь черного хода была закрыта. Это подозрительно. Она всегда приоткрывала ее, не снимая цепочки, чтобы кот мог проскользнуть обратно.

— Если это было самоубийство, то такая деталь объяснима, — заметил Вангли. — Дверь закрыли для того, чтобы не выходил газ.

Фру Мёллер отрицательно замотала головой.

— Никогда не поверю, что это самоубийство. Она так радовалась жизни. Если вы сегодня были в ее квартире, то, вероятно, обратили внимание на розы?

— Да — на подоконнике.

— Я купила для нее эти два горшка как раз вчера. Она не любила свои тюльпаны. "Тюльпаны так печально опускают головки, — говорила она. — К тому же они завяли, надо их выбросить. Хочу, чтобы у меня стояли радостные цветы". Я пошла в цветочный магазин и купила два розовых куста. Она радовалась, как ребенок, когда я их развернула. "Да, вот эти цветы — радостные". Она весело напевала, когда поворачивала горшки и дотрагивалась до каждого цветка кончиками пальцев... Не кажется ли вам, что это никак не вяжется с мыслями о самоубийстве?

— Итак, настроение было прекрасное?

— Да, конечно. И она обожала своего Ватика.

— Ватика?

— Да, он такой и есть.

Длинношерстный белый ангорский кот царственной поступью появился между двумя портьерами из лилового шелка, словно зная, как должен совершать свой выход аристократ. Он только что пробудился от своего изысканного сна, изящно выгибал спину и вытягивал когти. Затем устремил величественный взгляд небесно-голубых глаз на Вангли, как бы оценивая гостя. Мгновенно почувствовав расположение, приблизился к нему, подняв вверх пушистый хвост, и нежно потерся головой о его брюки.

— Вы, видно, нравитесь кошкам. — Фру Мёллер улыбнулась. — Но поберегите свою одежду. Не пускайте его на колени. Он ужасно линяет.

— Ничего. — Вангли смахнул с себя несколько длинных белых шерстинок и почесал кота под подбородком. Тот удовлетворенно замурлыкал. — Так, значит, Ватик. Прекрасная кличка. Это сама фрёкен Габель ее придумала?

— Да. Он был похож на клок ваты, когда появился у нее.

— Думаю, вы правы. Настроение старой дамы было, вероятно, в полном порядке. — Вангли провел рукой по спине кота, и мурлыканье стало еще громче. — Когда у тебя такая киска, и ты называешь ее Ватиком, значит, жизнь тебе не в тягость. — Он поднял глаза. — Итак, она выпускала его во двор ежедневно после обеда. Должно быть, ей было тяжело спускаться по крутой лестнице, ведь она перенесла перелом бедра?

— Да, поэтому она почти и не выходила. Я часто сама выпускала кота по ее просьбе, когда задерживалась до половины пятого. Но вчера мне нужно было уйти в три часа, и поэтому ей пришлось выпускать кота самой.

— Вы вернулись где-то в половине шестого?

— Да, согласно договоренности. Она хотела поговорить со мной о своем завещании. Я должна была поставить под ним подпись.

— Ну да, конечно, в качестве свидетеля. Вы знали, кому она хотела завещать деньги?

Насладившись лаской гостя, кот неспешной поступью отправился в другую комнату, восторженно поднятый хвост исчез между портьерами.

— Когда вы увидели Ватика, вы, вероятно, догадались, что фрёкен Габель симпатизировала Обществу друзей животных. Она часто поддерживала его денежными пожертвованиями и теперь намеревалась...

— Понимаю. — Вангли собрался откланяться. — Из того, что я слышал о фрёкен Габель, можно заключить, что и сон у нее был хороший?

— Ну да, конечно. — Вопрос несколько ошарашил фру Мёллер. — Когда она ложилась, например, после обеда, то засыпала мгновенно.

— На зрение она тоже не жаловалась?

— Она хорошо видела и очень любила живые, свежие краски. Вы, наверное, заметили, как были окрашены стены и пол кухни?

— Зеленая кухня, да, конечно. — Вангли протянул руку. — Благодарю за ценную информацию, фру Мёллер. И спасибо за то, что имел честь познакомиться с Ватиком.

Придя домой к инженеру, Вангли также быстро оглядел книжные полки. Он время от времени посматривал на них во время разговора. Здесь, конечно, преобладали книги по технике, но среди них попадались и другие издания, которые также были подобраны со знанием дела, хотя имели мало отношения к профессии инженера.

Берг-Люкке хорошо сохранился для своих пятидесяти. Кожа лица гладкая, шевелюра — светлая и густая, на нем лежал определенный “американский” отпечаток, который усиливался от роговых очков, голос был низким и приятным по тембру. Чувствовалось, что он умеет разговаривать с людьми.

Но, увы, он мало что мог рассказать об обстоятельствах дела и был убежден, что смерть явилась следствием несчастного случая. Прискорбно, конечно, что именно так закончила свои дни эта милая старая дама. Он сожалеет, что в последнее время так редко навещал ее.

— Ах, вот как, стало быть, прошло уже довольно много времени с тех пор, как вы в последний раз были у нее? — спросил Вангли.

— Ну да, не меньше месяца. Вы понимаете, я очень занят. — Берг-Люкке взмахом руки указал на письменный стол, где на доске с подвижным угольником был разложен большой лист бумаги — явно технический чертеж. — Моя работа очень утомительна. И если откровенно, не так уж легко позволить себе роскошь навещать старых тетушек.

— Почему же?

— Мне всегда было тяжело сидеть в этой наглухо запертой квартире. Все эти дверные цепочки — она панически боялась воров.

— Может быть, не без оснований? — пробормотал Вангли.

— Ее невозможно было заставить открыть окно, она не выносила свежего воздуха, бедняжка.

— Неужели?

— Так, наверное, всегда бывает в старости. Ее комната напоминала мне оранжерею; а резкий тяжелый запах цветов заставлял думать о похоронах... Да, выполнять свой долг перед стариками очень сложно. Вы понимаете, что я имею в виду?

— Я понимаю, что она любила цветы, — отозвался Вангли. — И своего кота. А вот вы любите лошадей. Не правда ли?

— Лошадей? — Берг-Люкке вытаращил глаза. — Что вы имеете в виду?

— На вашей книжной полке я вижу превосходное собрание программok ип-подрома “Эвреволль и Брамсен”. Это и мое хобби. Весьма, правда, разорительное для кошелька...

Когда некоторое время спустя Вангли оказался на улице, один из карманов его пиджака заметно оттопыривался. Выходя от инженера, он заметил один предмет на полке в прихожей и прихватил его. Это была платяная щетка с очень специфическими шерстинками на щетине.

Чуть позже в тот же день полицейский Монсен сидел за канцелярским столом, пытаясь справиться с задачей, которую считал наитруднейшей. Он забро-

сил свою работу, скрежеща зубами и стеная, пренебрег своим общественным долгом, вглядываясь в мерзкий кусок картона: он перегибал его, вертел из стороны в сторону и комкал до тех пор, пока тот не стал походить на выжатую тряпку. Но все тщетно: веревка не хотела выходить из-под полоски.

Когда Вангли с важным видом вошел в контору, Монсен бросил на него испепеляющий взгляд.

— Ну, знаешь ли, Вангли! Что ты мне подложил? Ее же просто невозможно разгадать. Спасибо за подарок! — И отшвырнул от себя головоломку с такой силой, что пуговицы загромыхали по крышке стола. Вангли подхватил ее и сжал за уголок пальцами.

— Решение до смешного простое. Разгадка тайны замкнутого пространства заключается в том, что это пространство обязательно имеет какое-нибудь отверстие. Ты же видишь отверстие рядом с полоской?

— Спасибо, я уже смотрел на него целый час. И что из этого? Суть в том, что пуговицы больше, чем отверстие, они в него не проходят.

— Нет, конечно, точно так же и человеческое тело слишком велико, чтобы пройти через дверь, приоткрытую на цепочку. Представим себе, что пуговицы — это убийца. Он находится вне отверстия. Нитка, орудие убийства — внутри пространства. Что делает убийца? Он попросту вытягивает нитку — вот так.

Вангли слегка продвинул петлю вдоль полоски и согнул картонку. Затем потянул за пуговицы. Полоска согнулась к отверстию и прошла через него вместе с петлей. За две секунды веревка была вынута.

— Фокус-покус. Головоломка разгадана. И именно так происходило убийство — с помощью нитки, просунутой через отверстие. И оно раскрыто, дорогой друг. Полчаса назад я арестовал убийцу.

Монсен даже подпрыгнул.

— Да что ты! И кого же?

— Конечно, племянника. Инженера, игрока на скачках и убийцу, понимающего толк в головоломках. Это же само собой разумеется. Только у него одного был мотив для убийства.

— Но как насчет улики?

Вангли вынул из кармана клубок ниток и положил его на стол.

— Материальная улика № 1 — орудие убийства. Зеленая льняная нитка. На клубке отпечатки пальцев убийцы.

— А, это тот самый, который ты?..

— Нашел в шкапулке, конечно. В ней был только один зеленый клубок. Ты ведь помнишь, в какой цвет окрашена кухня, не так ли? Только зеленую нитку можно незаметно протянуть по полу и вдоль стены. Ибо хотя фрёкен Габель была в летах преклонных, она хорошо различала цвета. По замыслу убийцы, она вообще не должна была обнаружить роковую нитку. — Рядом с клубком Вангли выложил ключ от американского замка. — Вещественное доказательство № 2, с помощью этого предмета убийца стал невидимым. И с отпечатками тех же ладонных пальцев.

— Но ведь их нет в нашем архиве?

На столе появился третий предмет.

— Нет, но я прихватил его платяную щетку, когда нанес ему визит. Одни и те же отпечатки на всех трех вещах — это подтвердил наш эксперт. В щетке есть и еще кое-что необычное, к этому мы еще вернемся.

Монсен покачал головой.

— Может быть, ты будешь так любезен, что объяснишь все по порядку?

— С удовольствием. — Вангли сел, со спокойной совестью выбрав самое удобное кресло. — Попробую обрисовать драму так, как она могла происходить.

Вчера около половины четвертого Берг-Люкке неожиданно появился в гости к своей тетушке, примерно через полчаса после ухода прислуги. Он, вероятно, почувствовал, что пришла пора уделить своей богатой родственнице некоторое внимание, его экономическое положение заметно ухудшилось после недавних проигрышей на скачках. Короче говоря, он сам себя пригласил к ней на обед.

На мгновение он остается в комнате один, случайно замечает письмо адвоката в письмодержателе, он прочитывает его и сразу же все понимает. Тетю, должно быть, шокирует легкомыслие племянника в денежных вопросах. Если она хочет составить завещание, это означает, что наследства ему не выдать. Без завещания он автоматически становится наследником. В противном случае все состояние переходит к Обществу друзей животных.

Он должен спешить, так как на следующий день завещание будет юридически оформлено. Рядом с письмодержателем стоит тетушкина шкатулка со швейными принадлежностями. Он инженер, человек с технической сметкой, и ему в голову молниеносно приходит идея технически совершенного убийства. Он берет клубок с зеленой льняной ниткой и отрезает от него 5 метров, которые затем сматывает. Газовый кран на кухне открывается при повороте на 90 градусов из бокового положения, что можно сделать с помощью прикрепленной нитки. Очутившись на кухне, он незаметно набрасывает петлю на кран и протягивает нитку вдоль стены к двери черного хода так, чтобы позднее можно было легко схватить конец снаружи. На часах половина пятого, и он должен откланяться, так как настало время послеобеденного сна фрёкен Габель. Он любезно предлагает выпустить кота, как бы желая побереечь ее больные ноги. Они прощаются через приоткрытую дверь, и она, как обычно, набрасывает цепочку, после чего идет и ложится. А он выпускает кота.

Но сам не выходит во двор. Вероятно, знает про любопытную женщину у кухонного окна на втором этаже и не хочет, чтобы его увидели. Несколько минут стоит на лестнице, ведущей в подвал. Теперь можно приступить к делу, ведь сон у тети крепкий. Сначала он поднимается к приоткрытой двери, просовывает руку и снимает ключ от подвала, который висит у самой двери. После этого спускается и открывает дверь подвала, вновь поднимается и вешает ключ на место. Затем наклоняется и хватает конец нитки, рывок — и кран открыт. Он вытягивает нитку и захлопывает дверь. "Замкнутое пространство" — совершившийся факт! Он проходит подвалом, который ведет к коридору между двумя воротами. Ты уже хорошо знаешь, что никто не может войти этим путем. А вот выйти — не проблема. — И таким образом минуешь все наблюдательные посты у кухонных окон...

— Очень остроумно, — пробормотал Монсен. — Но каким образом такой находчивый убийца не подумал об отпечатках пальцев?

— Это убийство было молниеносной импровизацией, и вряд ли найдешь кого-нибудь, кто носит в кармане перчатки в жаркий июньский день. Он был очень осторожен с газовым краном на тот случай, если бы этим делом занялась полиция. Но рассчитывал, что полицейским не придет в голову исследовать клубок ниток в шкатулке. Ведь ты же не сделал этого, Монсен?

Монсен угрюмо закричал.

— Он признался?

— Да, как на исповеди. Из меня вышел бы хороший духовник.

— Но у тебя должно было быть больше улик, чтобы добить его.
— Ватик дал показания против него. Разве я не говорил, что он очень важный свидетель?

— Это как же кот дал показания, осмелюсь спросить?

— Оставив свою шерсть на одежде племянника, когда тот выводил его во двор. Ангорские кошки — очень благородные животные, но часто линяют. Он обнаружил это, когда вернулся домой, ты можешь увидеть кошачью шерсть на платяной щетке. Когда я беседовал с ним, он очень хитроумно объяснил, что уже давно не навещал свою тетю, но шерсть свидетельствовала об обратном. — Взгляд Вангли стал задумчивым, и он добродушно улыбнулся. — Кот и цветы были друзьями старой дамы. И вполне естественно, что именно они и разоблачили ее убийцу. Ведь и розы свидетельствовали против него.

— Розы?

— Да. Именно из-за них он и проговорился. Он жаловался на то, что в тетушкиной комнате стоял резкий цветочный запах, который напомнил ему о похоронах. Но розы появились в этой комнате только вчера, раньше там стояли тюльпаны. А тюльпаны не пахнут.

Монсен всегда с уважением относился к результатам, которых достигал коллеги, но ничего не понимал в его методах.

— Как же ты до всего этого докопался?

Вангли снова закрепил петлю под полоской.

— Как докопался? — Маятники качнулись. — Занимался разгадыванием головоломок!

Перевод с норвежского **Владимира СОКОЛОВСКОГО.**